

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Г.И. Мусихин

*д.полит.н., профессор, Российский биотехнологический университет
(Москва)*

РАЗГОВОРЫ И НАРРАТИВЫ В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

Аннотация. В статье предпринята попытка диалектического синтеза политических разговоров и политических нарративов в пространстве политической коммуникации. Поднимаемая в статье исследовательская проблема касается уникальности политического авторитета в качестве специфического динамического порядка, который составляет фундамент политики как коммуникативного взаимодействия по поводу власти, где стабильность и изменчивость содержатся в диалектически снятом виде. В этой связи на политическую реальность в рамках символизации можно смотреть не только как на взаимодействие акторов на микро- и макроуровне создания нарративов, но и как на продукт коллективных практик и структурных взаимодействий. Практики в данном контексте будут видаться как чреватые множественным смыслом паттерны деятельности, упорядочивающей взаимодействия. Структуры же будут скорее нормами как ресурсами (устоявшимися смыслами), которыми пользуются акторы для упорядочивания политической реальности.

Ключевые слова: коммуникация, символ, политическая символизация, дискурс-анализ, речевая ситуация, нарратив, политический контекст, вовлечённость, динамический политический порядок, государственное управление.

JEL: Z10, Z18

УДК: 303.01, 32.0195, 351

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2026_3_153_161

© Г.И. Мусихин, 2026

© ФГБУН Институт экономики РАН «Вопросы теоретической экономики», 2026

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Мусихин Г.И. Разговоры и нарративы в контексте политической коммуникации // Вопросы теоретической экономики. 2026. №3. С. 153–161. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2026_3_153_161.

FOR CITATION: Musikhin G. Conversations and narratives in the context of political communication // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. 2026. No. 3. Pp. 153–161. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2026_3_153_161.

Введение

Данная статья является продолжением работы «Коммуникация в контексте политической символизации: от дискурсов к речевым ситуациям» [Мусихин, 2024; Мусихин, 2025], где делается вывод: символическое видение коммуникации показывает, что взаимоотношения индивид-коллектив/агент-структура не являются «объективным» системным свойством политики, сама *системность конструируется как механизм коммуникативных практик*, возникающих в процессе взаимодействия акторов и артефактов в пространстве совместной деятельности. Политические нарративы могут выходить за рамки *фиксированных языковых форм*, приобретая *символизирующее* толкование как образование новых способов *контекстуальной коммуникации*. Акцент на контексте показывает ограниченность дискурс-анализа для понимания политических коммуникаций [Fairclough, Wodak, 1997]. Контекст «не помещается» в дискурс-анализ как таковой, требуя серьёзных аналитических допущений и оговорок, которые либо критически сокращают точность

дискурс-анализа, либо недопустимо упрощают содержание контекста. Принципиальная особенность коммуникации в контексте политики состоит в том, что политическая реальность *одновременно и состоит из интерактивных процессов, и реализуется через них*.

Диалектика разговора и нарратива в контексте политической коммуникации

Если отталкиваться от акторного видения политической реальности, то её можно рассматривать как процесс специфической *координации*. Специфичность состоит в том, что координация понимается как *ориентация* акторов (позитивная или негативная) *друг на друга*. Участники политических процессов обращают друг на друга заинтересованное внимание (демонстративное игнорирование — негативный вариант такого внимания). Так или иначе ориентируясь друг на друга, участники политики тем самым координируют и контролируют деятельность в политическом контексте.

Ориентация друг на друга в политическом контексте предполагает коммуникацию, проявляющуюся в виде разговора и нарратива. *Разговор* можно считать речевой ситуацией *микроуровня*, которая диалектическим образом и развивается из интеракции, и рефлексивирует последнюю. Тем самым политические разговоры определённым образом *самоупорядочиваются* (см. например, о разговоре как микро-уровне речевого взаимодействия: [Taylor, 2009; Taylor, 2011], о рынках как разговорах: [Черных, 2013]).

Включение определённого внешнего организационного компонента данному самоупорядочиванию не противоречит, но принципиально изменить политическое качество последнего не может. *Нарратив* можно понимать как субстанцию, *порождающую* разговоры. Нарратив содержит в себе комплекс символических ресурсов, которые кодируют/декодируют смыслы, отражают намерения, акцентируют внимание, связывая акторов общими практиками. В свою очередь, нарратив сам является продуктом разговоров, но не как соединение частей (смыслов), а как диалектический *синтез*, снимающий микро-ситуационное качество разговора. Можно сказать, что нарратив — это *субстанция политического настоящего, возникшего из прошлых разговоров и являющегося символическим ресурсом будущих смыслов и действий*.

Таким образом, *диалектика* разговора и нарратива не в том, что они переходят друг в друга по замкнутому кругу (это не диалектика), а в том, что они воплощаются в политическое действие, упорядочивающееся разговорами и нарративами в политическом контексте. Это действие проявляется как структурирующиеся практики и отношения *авторитета*, т.е. как *динамический политический порядок*. Поскольку такие действия становятся упорядоченными, они проявляют «*экспансию упорядочивания*» по отношению к другим действиям, *включая их в политический контекст*. Это влияние становится возможным вследствие того, что политический нарратив, развивающийся в логике координации как ориентации друг на друга, обращает на себя заинтересованное *внимание* тех, кто ещё не причастен к актуальному упорядочиванию.

За последние три года мы наблюдали, как в мире сформировались два принципиально разных нарратива СВО России на Украине. Российский нарратив обвиняет в начале СВО «коллективный Запад», а западный нарратив содержит противоположную аргументацию. Для нас принципиально важно, что оба эти нарратива, конфликтно взаимодействуя друг с другом, запускают «экспансию упорядочивания» нового мирового порядка, в котором уже никто и не вспоминает о казавшейся незыблемой идее неолиберализма о «мире, основанном на правилах».

Диалектическая связка разговор-нарратив запускает символизирующую способность языка общения к *суждениям* по выработке смыслов. То есть сама герменевтика конкретного языка, на котором думают (а не просто говорят) люди, выступает необходимым и достаточным условием упорядочивания (которое, впрочем, не обязательно будет

успешным). Образно говоря, *политический порядок возникает и разрушается, потому что люди думают и говорят на конкретных человеческих языках*. Разумеется, здесь можно вспомнить про Вавилонскую башню.

Ещё одним важным аспектом коммуникации как действия в контексте политической символизации является то, что символизация чаще всего предполагает наличие компонентов, которые являются *«нечеловеческими»*. То есть они прямо не связаны с людьми и группами людей в их данности или непосредственном проявлении: артефакты, элементы среды обитания, информация о персоналиях (но не сами люди), известные теории или произведения искусства и т.д. Всё это обладает способностью порождать политические смыслы уже в рамках собственно человеческих интеракций. Поэтому политическая реальность, понятая как коммуникативное взаимодействие, всегда включает в себя не только собственно человеческие интеракции, но и взаимодействие свойств неодушевлённых объектов с намерениями и целями людей.

«Теневой танкерный флот» стал устойчивой риторической фигурой речи в нарративе геополитического противостояния России и Запада. Можно сказать, что данный флот превратился в политический артефакт, возникший «ниоткуда». Словно всех этих многочисленных и довольно крупных судов ранее не было, хотя мы понимаем, что эмпирически это не так.

Нарратив, наделённый *стратегическим смыслом*, можно трактовать как *нарратив*, получивший политический *авторитет*. Это не только предполагает упорядочивание политического макроактора, но и то, что появляются конкретный человек или группа конкретных лиц, наделяемых *полномочиями* выступать от имени макроактора в целом. Очевидно, что процесс появления таких лиц не политически нейтрален. При этом конкуренция за данные полномочия может носить как публичный *делиберативный* характер (и тогда выявление политических лидеров в целом соответствует диалектике политического публичного разговора-нарратива) так и иметь *авторитарные* основания.

В последнем случае политическая коммуникация будет иметь скорее обратный характер (от нарратива к разговорам). Однако здесь процесс политического упорядочивания будет происходить не столько как выработка авторитета, сколько как насаждение технологической *пропагандистской иллюзии авторитета*. Её длительное существование будет возможным только в условиях систематического препятствования распространению информации о конфликте интересов политического сообщества и правящей элиты. В последние годы такие процессы можно было наблюдать в странах как «суверенной демократии», так и «либеральной демократии». Это совершенно по-новому ставит проблему авторитаризма в современном мире, но это тема отдельного исследования, выходящего за рамки данной статьи.

Динамический политический порядок

Если признать, что политический порядок существует в интеракции (и через неё) и обозначает реальность своего присутствия в диалектике разговор-нарратив, следовательно, он (порядок) мотивируется *актуальной* интеракцией. В данном случае следует различать политический порядок и государственное управление и даже не только политический порядок, но и политический режим. Государственное управление и политический режим фиксируются формальными институтами и устоявшимися рабочими процедурами. Политический порядок в контексте политической символизации есть процесс упорядочивания социальных практик, фиксируемый диалектикой разговоров-нарративов. Такое упорядочивание может оказать реальное влияние на политический режим и даже государственное управление. Но оно не обязательно будет зафиксировано в последних в корректных для них терминах. Хотя коммуникативное речевое воздействие будет фиксироваться достаточно чётко.

Когда Дональд Трамп заявил, что его полномочия как верховного главнокомандующего ограничены только его собственной моралью, а не нормами международного права,

это явный признак нового динамического политического порядка. Последний, скорее всего, никак не зафиксирован в нормах американского государственного управления, но оно следует именно в рамках такого порядка.

Данную особенность динамического политического порядка можно проиллюстрировать казусом из политической истории Германии. Когда Фридрих-Вильгельм IV изъявил желание учредить наконец прусскую конституцию, среди прусских либералов распространились радужные иллюзии конституционной монархии в стране. Однако при открытии прусского Ландтага в апреле 1841 г. король достаточно жёстко заявил: «Никакая сила на земле не смеет побуждать меня к замене естественного ... отношения государя и народа на конвенционально-конституционное ... я никогда не допущу, чтобы между Господом Богом на небе и этой страной проскользнул исписанный листок бумаги (т.е. конституция. — Г.М.), принятый за второе провидение, чтобы своими параграфами управлять Нами и подменять ими священную верность и преданность» [Huber, 1960. S. 495].

Тем самым власти придерживающиеся устами короля дали понять, что конституция для них — не более чем *сборник инструкций*, являющийся упорядоченным инструментом управления, но не более того. Для наследников же Просвещения, которые определяли господствовавшие в общественном мнении Германии настроения, принципы конституционализма имели самодостаточное ценностное значение. С точки зрения прогрессистов конституция была не менее чем самой воплощенной в правовые нормы *властью истины*. Не случайно один из лидеров немецкого либерализма Якоби сокрушённо отмечал: «Беда королей в том, что они не хотят слышать истину» [Huber, 1960. S. 747]. Однако для правящей бюрократии Германии власть истины была не более чем красивой фразой, она (бюрократия) целиком полагалась на *истину власти*.

С формально правовой точки зрения Пруссия с 40-х гг. XIX в. стала конституционной монархией. В концептуальной логике политического режима она была авторитарным монархическим правлением с конституционными элементами. Однако *акценты* политического *упорядочивания* непрерывно *менялись* в Пруссии, а затем в Германской империи вплоть до революции 1918 г., которую также можно считать новым этапом политического упорядочивания.

Вышеописанные события можно фиксировать через правовые документы, анализировать через институциональную деятельность правительства и представительных органов, описывать как череду событий. Однако диалектический механизм интерактивного взаимодействия разговор-нарратив позволит понять происходившее максимально полно, с одной стороны, и выявить упорядочивающие тенденции политической реальности — с другой.

От локальных языковых практик к текстам как политическим обязательствам

Один из ключевых модусов диалектики разговор-нарратива — понимание того, как *локальные* практики интеракций соединяются в упорядоченной деятельности *коллективных* акторов. Такое случается, если/когда производимые на локальном уровне разговорные практики дистанцируются в *нарратив*, понимаемый *коллективно*. Данные *практики* выходят за пределы локализации участников, становясь *медиумом* среды общения. Это снимает качество ситуативности разговорных практик, которое в снятом виде способствует передаче смыслов как *фреймов*, порождающих новые разговоры. В свою очередь фреймы, упорядочиваясь через смысловую *стандартизацию*, порождённую коллективным толкованием, становятся *текстом*, несущим в себе коллективный нарратив. То есть разговорные локальные практики развиваются через фреймы как медиумы в тексты как коллективные нарративы. Диалектическую логику такого развития можно обозначить как развёртывание *конкретного* через *абстрактное* к *общему*.

Нарратив, дистанцированный в тексте от непосредственных носителей политической коммуникации, способен оказывать автономное воздействие на коллективные и индивидуальные практики, получая статус кодифицированного коллективного представления. *Текст* конденсирует сложность упорядочивающихся практик в общность, которая коллективно истолковывается как требование и/или *обязательство* по осуществлению того или иного политического действия.

Можно сказать, что процесс дистанцирования политических разговоров в текст происходит через *суждения* о совместной стратегии как практике. Для этого интеракция должна приобрести *рекурсивные* черты, чтобы процессы деконтекстуализации и реконтекстуализации стали *повторяющимися*. При этом текстуальное оформление нарратива, включая разговорные практики толкования, не станет, как правило, включать непосредственную ссылку на конкретные практики, т.е. будет иметь место своеобразный «плагиат», представляющий собой диалектическое снятие первоначального разговорного ситуативного качества в нарративе как тексте. Однако сохраняются представления о том, что обсуждение имело место, наделяя дистанцирующийся от разговорных практик (ситуативных *мнений*) текст стратегическим смыслом (*авторитетом*). Насильственный вывоз президента Венесуэлы спецназом США можно называть или арестом, или террористическим актом, но данное конкретное событие вполне укладывается в логику текста новой «Стратегии национальной безопасности США», принятой в конце 2025 г., хотя и ставит в тупик концептуальное соотношение международного права и политики [Медушевский, 2025а; Медушевский, 2025b].

Стратегический смысл как авторитет будет фиксировать *упорядочивание макроактора*, в рамках которого вырабатываемый авторитет имеет смысл для тех, кто становится (является) частью «Левиафана» (страна, партия, заинтересованная группа, сетевое сообщество и т.д. [Филиппов, 2025]).

Таким образом, выделение микро- и макроуровней политической коммуникации возможно только диалектически. Если попытаться сделать это формально-логически, то либо нужно будет искусственно допускать существование имманентного микровзаимодействия, «очищая» его от трансцендентных элементов макроуровня (или наоборот) [Cooren, Fairhurst, 2009. Р. 124], либо допускать существование двух данных уровней в «загрязнённом» виде. Аналитическая ценность обоих вариантов весьма сомнительна. В контексте диалектики разговора-нарратива микро- и макроуровни — это не столько уровни анализа, сколько концептуальные элементы, которые аналитикам следует использовать для понимания особенностей политической коммуникации, а не для объяснения конкретной логики событий.

Коммуникативное взаимодействие как производство практик и структур политики

Одна из ключевых особенностей политической символизации — способность смещения акцентов в парных категориях означаемого-означающего и объекта-субъекта. Именно эта способность делает символизацию способной диалектически преодолевать парные категории в новом качестве. В этой связи на политическую реальность в рамках символизации можно смотреть не только как на взаимодействие акторов на микро- и макроуровнях создания нарративов, но и как на продукт коллективных практик и структурных взаимодействий. *Практики* в данном контексте будут видаться как чреватые множественным смыслом *паттерны деятельности*, упорядочивающей взаимодействия. *Структуры* же будут скорее *нормами* как *ресурсами* (устоявшимися смыслами), которыми пользуются акторы для упорядочивания политической реальности.

Можно вспомнить скандально известный казус «квартиры Ларисы Долиной». Здесь судебные практики, соединившись с разговорами (обсуждениями в социальных сетях),

продиктовали финальное решение Верховного суда РФ, которое стало не только (и не столько) юридическим казусом, но и задало структуру *политического* оценочного суждения: в России все равны перед законом. В данном случае не столь важно, насколько это суждение соответствует реальным судебным практикам, так как основной эффект был не юридическим, а политическим: массовое удовлетворение тем, что справедливость восторжествовала.

Для коммуникации здесь будет уместна метафора *потока*, состоящего из речевых и невербальных взаимодействий, которые синтезируются в процессе символизации через производство смыслов в интерактивных суждениях. Данный поток *интегрирует* людей как участников коммуникации. Интеграция выходит за пределы самой себя, порождая *контекстуализирующую* коммуникацию как *координационный* импульс. И наконец коммуникация возвращается к субъектам взаимодействия как упорядочивающая структура коллективного *самоосознания*. Если помнить, что символизация подразумевает множественность и непредзаданность толкования смыслов, то качественное многообразие данного потока коммуникации является открытым сценарием развития, чреватым многочисленными «ответвлениями» потока [McPhee, Iverson, 2009].

Тот же «казус Долиной» приобрёл политическое звучание не сам по себе, а после того, как суды стали на него ориентироваться как на судебный прецедент. Это вызвало волну мошеннических схем при продаже недвижимости, переведя имущественные споры в суде в сферу политических разговоров о справедливости.

Коммуникация как интеграция участников способствует их *ситуативной социализации*, вызывающей идентификацию и связывающей людей в процессе общения. В этом «потоке» разворачиваются практики рекрутирования, инициации, обмен элементами нарративов, взаимное позиционирование и связанное с последним *инструктирование* как *упорядоченная оценка*, порождающая *представление о распределении власти как репутации и актуального потенциала возглавления сообщества* (говорить от имени сообщества).

Возникнув как *интеракция* участников, коммуникация «возвращается» к ним как *контекст* координации их деятельности, который уже оговаривается как внешний, как обсуждение совместных задач и способов их выполнения. Это влечёт за собой определённое разделение труда и совместное поддержание сотрудничества как должного состояния (отношения друг к другу и к тому, что наделяется смыслом *общего* дела, т. е. *авторитетом*).

Обогатившись модусом контекстуального долженствования как *координации*, коммуникация приводит к коллективному *самоосознанию* сообщества, которое упорядочивает внутренние взаимодействия и устанавливает внешние границы. Происходит *обоснование* способов распределения политических *ресурсов*, ключевым из которых является *власть как авторитет*. На данной стадии коммуникации политическое сообщество уже есть не просто группа или сеть. Этот уровень символизирует статус *порядка* как *организации*, способной производить официальные *тексты* как документы, наделённые *публичным обязующим смыслом*.

Публичный обязующий смысл текстов как документов способен создавать *институциональное позиционирование* сообщества как *коммуникативную ситуацию социального порядка*. Здесь происходит коллективное толкование обоснования существования сообщества и его идентификации во взаимодействии с другими организациями или структурами.

Сообщество получает символическое качество *места* в *социальном пространстве* [Филиппов, 2008]. Именно в этом контексте чаще всего происходит символическое «телескопическое схлопывание» коллективного тождества, когда мы говорим о том, что «Америка виновата», «Россию подвергли», «Германия столкнулась», «"Единой России" предстоит». Примечательно, что так (при обсуждении политических проблем) говорят даже те, кто осознает, что с позитивистски социологической точки зрения эти конструкции не более чем фантазии. Однако эти фантазии наделены реальным смыслом, а значит, и преобразующим потенциалом в политической коммуникации.

Хотя следует помнить об опасности ошибочного (тенденциозного) толкования обязующего смысла текстов как документов, исходя только из самих этих текстов. Последние наделяются обязующим смыслом *не столько на основе их содержания, сколько в процессе взаимодействия суждений по поводу этого содержания*. Если данной символизирующей связи нет, то возникает классическая российская ситуация со строгостью закона и необязательностью его исполнения.

Нужно отметить, что микро- и макровзаимодействия не исчезают в сфере производства политических практик и структур. Очевидно, что в вопросе координации деятельности будут преобладать взаимодействия микроуровня, а в институциональном позиционировании акцент будет делаться на макроуровне. Однако возникающие коммуникативные ситуации всегда содержат в себе комбинацию различных элементов в явном или снятом качестве, выходящую за рамки чистого микро- или макроразделения. Микро- и макроуровни политической коммуникации всегда отбрасывают друг на друга «тень» [McPhee, Iverson, 2009. Р. 61] другого контекста толкования, создавая текучесть речевых ситуаций пространственно-временного континуума даже при сохранении стабильных скоординированных взаимодействий, продиктованных коллективной памятью.

Заключение

Таким образом, взаимодействие в контексте политической символизации может толковаться как диалектический синтез *речевых ситуаций, невербальных символов и случаев интеракции*. Данный синтез ведёт к конституированию *политического порядка* как коллективного самоосознания. Это способствует политической символизации пространственно-временного континуума, где *эмпирически* зафиксированное соединяется с коллективными *фантазиями*, образуя политическую *реальность*, в определённых ситуациях именуемую коллективной памятью¹.

Соотношение речевых ситуаций и коммуникаций в контексте политической символизации предполагает реконцептуализацию дуализма сфер материального и нематериального. Позитивистская проверка независимости влияния первого на второе или наоборот, на мой взгляд, не ведёт к приращению понимания политической реальности, становясь всё более анализом в себе. В этой связи продуктивнее будет, признавая онтологическое различие материального и нематериального модусов политики, разрабатывать концептуальный аппарат, снимающий (а не игнорирующий) данное различие.

Исходя из вышеобозначенного, можно утверждать, что реляционный характер политической реальности является не тупиком в *объяснении* последней, а плодотворной почвой для её *понимания*. Политическая реальность *одновременно состоит и реализуется через интерактивные процессы*. Данные процессы охватывают как иерархии и сети политических акторов, так и артефакты политики; как имплицитные намерения, так и эксплицитные речевые ситуации; как материально-организационную «экипировку» политики, так и коллективные суждения о последней.

Ещё одной принципиально важной парной категорией политического взаимодействия является *порядок-хаос*. Учитывая тяготение государственной организации к формальным юридическим институтам, именно порядок и ведущая к нему координация политических действий имплицитно или эксплицитно становится для позитивистского анализа политических коммуникаций ключевым содержательным понятием и желаемым состоянием политической действительности. Дезорганизация и беспорядок при этом не отрицаются, но трактуются либо как неудача политической деятельности, либо как катализатор (способ достижения) нового порядка.

¹ О коллективной памяти и нарративах см.: [Мусихин, 2024].

В контексте политической символизации² данная оппозиция *не уравнивается, а снимается* акцентированием на процессе *упорядочивания*, которое не есть движение к порядку от беспорядка, но является *развитием*. В его ходе создаётся новое политическое качество, где коммуникативные моменты организации и дезорганизации — именно моменты, фиксируемые в определённой констелляции речевых ситуаций (и развивающиеся через неё). В этой связи можно утверждать, что *ни порядок, ни хаос как таковые не являются «естественным состоянием» политики*, ибо политика как конструируемая в ходе символизации реальность в принципе не может быть «естественной».

На уровне текстуально зафиксированных нарративов обозначенное выше упорядочение можно понимать как *интертекстуальность*. Даже тексты, наделённые стратегическим смыслом как авторитетом в процессе политической коммуникации, неизбежно получают развивающие добавления других текстов как суждений об авторитете. И если коммуникация является действительной, а не пропагандистски имитируемой, авторитет текста тем выше, чем больше он способен к восприятию суждений по его поводу в других текстах. Тем самым срабатывает озвученный ещё в конце 1960-х гг Луманом механизм: «Кто хочет получить власть, тот должен открыть себя влиянию» [Luhmann, 1973. P. 105]. Подобная открытость — не «всеядность» или беспринципность, она будет свидетельствовать об авторитете в процессе политического упорядочивания. Поэтому тезис «Мы — народ», будучи многократно (и разнообразным способом) доказанной *эмпирической иллюзией*, вместе с тем остаётся *политической реальностью* в случае полноценной политической коммуникации и множественности речевых ситуаций политической символизации, в контексте которой «Мы — народ» будет так или иначе толковаться, рождая комплексы упорядочивающихся суждений.

ЛИТЕРАТУРА

- Медушевский А.Н. (2025a). Международное правосудие в поисках равновесия между правом и политикой (Часть 1) // *Вопросы теоретической экономики*. №2. С. 130–143.
- Медушевский А.Н. (2025b). Международное правосудие в поисках равновесия между правом и политикой (Часть 2) // *Вопросы теоретической экономики*. №3. С. 119–133.
- Мусихин Г.И. (2015). Концептуализация политической символизации // *Полис. Политические исследования*. №5. С. 130–144.
- Мусихин Г.И. (2024). Нарратив как смыслообразующий элемент политической символизации // *Вопросы теоретической экономики*. № 2. С. 116–133.
- Мусихин Г.И. (2025). Коммуникация в контексте политической символизации: от дискурсов к речевым ситуациям // *Вопросы теоретической экономики*. № 3. С. 134–143.
- Филиппов А.Ф. (2008). *Социология пространства*. — СПб.: Владимир Даль.
- Филиппов А.Ф. (2025). *Восстание Левиафана. Очерки о Томасе Гоббсе, политической философии и социальной теории*. — М.: Владимир Даль.
- Черных А.И. (2013). *Медиа и ритуалы*. — М., СПб.: Университетская книга.
- Cooren F., Fairhurst G.T. (2009). Dislocation and Stabilization: How to Scale up from Interactions to Organization // *Building Theories of Organization: The Constitutive Role of Communication* / L.L. Putnam, A.M. Nicotera (Eds). — N. Y.: Routledge. Pp. 117–152.
- Fairclough N., Wodak R. (1997). Critical Discourse Analysis // *Discourse as Social Interaction (Discourse Studies: A Multidisciplinary Introduction* / T. van Dijk (Ed). — CA: Sage. Pp. 258–284.
- Huber E.R. (1960). *Deutsche Verfassungsgeschichte seit 1789*. — Berlin und Koeln: W. Kohlhammer. Bd. II.
- Luhmann N. (1973). *Zweckbegriff und Systemrationalität: über die Funktion von Zwecken in sozialen Systemen*. — Frankfurt a.M: Suhrkamp.
- McPhee R.D., Iverson J.O. (2009). Agents of Constitution in Comunidad: Constitutive Processes of Communication in Organizations // *Building Theories of Organization: The Constitutive Role of Communication* / L.L. Putnam, A.M. Nicotera (Eds). — N. Y.: Routledge. Pp. 49–88.
- Taylor J.R. (2009). Organizing from the Bottom Up? Reflections on the Constitution of Organization in Communication // *Building Theories of Organization: The Constitutive Role of Communication* / L.L. Putnam, A.M. Nicotera (Eds). — N. Y.: Routledge. Pp. 153–186.
- Taylor J.R. (2011). Organization as an (Imbricated) Configuring of Transactions // *Organization Studies*. № 32. Pp. 1273–1294.

² О политической символизации см.: [Мусихин, 2015].

REFERENCES

- Chernykh A.I. (2013). *Media and rituals*. — M., SPb.: Universitetskaya kniga. (In Russ.).
- Cooren F., Fairhurst G.T. (2009). Dislocation and Stabilization: How to Scale up from Interactions to Organization // *Building Theories of Organization: The Constitutive Role of Communication* / L.L. Putnam, A.M. Nicotera (Eds). — N. Y.: Routledge. Pp. 117–152.
- Fairclough N., Wodak R. (1997). Critical Discourse Analysis // *Discourse as Social Interaction (Discourse Studies: A Multidisciplinary Introduction)* / T. van Dijk (Ed). — CA: Sage. Pp. 258–284.
- Filippov A.F. (2008). *Sociology of space*. — SPb.: Vladimir Dal'. (In Russ.).
- Filippov A.F. (2025). *The Leviathan Rebellion. Essays on Thomas Hobbes, political philosophy and social theory*. — M.: Vladimir Dal'. (In Russ.).
- Huber E.R. (1960). *Deutsche Verfassungsgeschichte seit 1789*. — Berlin und Koeln: W. Kohlhammer. Bd. II.
- Luhmann N. (1973). *Zweckbegriff und Systemrationalität: über die Funktion von Zwecken in sozialen Systemen*. — Frankfurt a. M.: Suhrkamp.
- McPhee R.D., Iverson J.O. (2009). Agents of Constitution in Comunidad: Constitutive Processes of Communication in Organizations // *Building Theories of Organization: The Constitutive Role of Communication* / L.L. Putnam, A.M. Nicotera (Eds). — N. Y.: Routledge. Pp. 49–88.
- Medushevskiy A. (2025a). International Justice in Search of a Balance between Law and Politics (Part 1) // *Voprosy teoreticheskoy ekonomiki*. No. 2. Pp. 130–143. (In Russ.).
- Medushevskiy A. (2025b). International Justice in Search of a Balance between Law and Politics (Part 2) // *Voprosy teoreticheskoy ekonomiki* № 3. Pp. 119–133. (In Russ.).
- Musikhin G.I. (2015). The Conceptualization of Political Symbolization // *Polis. Politicheskie issledovaniya*. No. 5. Pp. 130–144. (In Russ.).
- Musikhin G.I. (2024). Narrative as a semantic element of political symbolization // *Voprosy teoreticheskoy ekonomiki*. No. 2. Pp. 116–133. (In Russ.).
- Musikhin G.I. (2025). Communication in the context of Political symbolization: from discourses to speech situations // *Voprosy teoreticheskoy ekonomiki*. No. 3. Pp. 134–143. (In Russ.).
- Taylor J.R. (2009). Organizing from the Bottom Up? Reflections on the Constitution of Organization in Communication // *Building Theories of Organization: The Constitutive Role of Communication* / L.L. Putnam, A.M. Nicotera (Eds). — N. Y.: Routledge. Pp. 153–186.
- Taylor J.R. (2011). Organization as an (Imbricated) Configuring of Transactions // *Organization Studies*. № 32. Pp. 1273–1294.

Мусихин Глеб Иванович

ORCID: 0000-0002-6796-0327

glebmus@yandex.ru

Gleb Musikhin

Doctor of Science (Political Science), Department of Social and Humanitarian Disciplines, Russian Biotechnological University (Moscow)

ORCID: 0000-0002-6796-0327

glebmus@yandex.ru

Conversations and narratives in the context of political communication

Abstract. The article attempts to provide a dialectical synthesis of political conversations and political narratives in the space of political communication. The research problem addressed in the article concerns the uniqueness of political authority as a specific dynamic order that forms the foundation of politics as a communicative interaction regarding power, where stability and variability are contained in a dialectically resolved form. In this regard, political reality can be viewed not only as the interaction of actors at the micro-macro level of narrative creation, but also as a product of collective practices and structural interactions. In this context, practices will be seen as patterns of activity that organize interactions and have multiple meanings. Structures, on the other hand, are norms that actors use to organize political reality.

Keywords: communication, symbol, political symbolization, discourse analysis, speech (verbal) situation, narrative, political context, involvement, dynamic political order, public administration.

JEL: Z10, Z18.